

Суд идет. О судебных процессах прошлого: от античности до новейшей истории

Автор:

[Алексей Кузнецов](#)

Суд идет. О судебных процессах прошлого: от античности до новейшей истории

Алексей Валерьевич Кузнецов

Суд – это место, где должна вершиться Справедливость. «Пусть погибнет мир, но восторжествует Правосудие!» – говорили древние. Однако в истории различных обществ мы встречаем примеры разных судебных процессов: на одних подсудимые приносятся в жертву сиюминутной политической целесообразности, на других суд оказывается не в состоянии разобраться в криминалистических хитросплетениях.

Среди персонажей этой книги в разных главах вы встретите как знаменитых людей – Сократа, Жанну д’Арк, Петра I, так и простых смертных – русских крестьян, английских моряков, итальянских иммигрантов. Неизменным будет одно: зал судебного заседания, строгие судьи, трепет подсудимых.

Алексей Кузнецов

Суд идет. О судебных процессах прошлого: от античности до новейшей истории

© Кузнецов А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Предисловие

«Не судите, да не судимы будете!» – сказано отдельным людям, но не государству. Одно из принципиальных отличий человека от других живых существ – способность (и потребность!) создавать нормы поведения, стоящие над инстинктами и во многом противоречащие им. Еще в догосударственную эпоху складывались у наших предков правовые традиции, нормы обычного права, регулирующие личные и имущественные отношения, охранявшие жизнь и здоровье, религиозные верования. Соответственно, возникали и обычаи применения этих норм, решался вопрос о том, кто должен их применять и истолковывать.

Шло время, государство создавало все более сложные законы, развивались теоретические представления о праве. Усложнялось и судопроизводство: появлялись специальные чиновники – судьи, система судебных органов становилась более разветвленной, процессуальное право выделилось в самостоятельную отрасль законодательства, возникали апелляционные и кассационные инстанции. Суд становился все более торжественным, он решал теперь не только задачу восстановления справедливости (или, если угодно, государственного диктата) в конкретных случаях, но и сам понемногу начинал творить право.

Автор книги не ставил себе цели проследить эти процессы – слишком уж сложная это задача, буквально неподъемная. Книга родилась из популярных передач цикла «Не так», которые журналисты радиостанции «Эхо Москвы» Сергей Бунтман и Алексей Кузнецов ведут уже пятый год. Здесь подобраны темы, вызвавшие в свое время наибольший интерес слушателей. В главах, которые вам предстоит прочесть, рассказывается о людях – подчас незаурядных, порой обыкновенных – по обе стороны судейского стола, о судебных реформах, о разных подходах к правосудию. Вы познакомитесь с судом афинской гелиэи и средневековым церковным процессом, с трибуналом Французской революции и инквизиционным процессом дореформенного суда Российской империи, с деятелями Судебной реформы 1864 года и судьями Суда Королевской скамьи Великобритании. Где-то будет более подробно рассказано о самом преступлении, где-то – о судебном процессе, иногда независимом и справедливым, иногда – предвзятом, с заранее предрешенным финалом.

Среди фигурантов судебных дел нам встретятся и маленькие люди – русские и удмуртские крестьяне, приказчик Бейлис, иммигранты Сакко и Ванцетти, американский школьный учитель и британские матросы, и деятели заметные – французский маршал и советский генерал, великий философ и знаменитая балерина. Человек равно нуждается в правосудии и равно имеет на это право, независимо от того, родился он в особняке или убогой крестьянской хижине.

Эта книга – не для юристов, вряд ли они найдут в ней что-то для себя новое. Наша задача в том, чтобы поддержать читательский интерес к одному из важнейших видов человеческой деятельности – установлению Справедливости.

1. «...Тот выше людского суда» (Процесс Сократа, Афины, 399 год до н. э.)

Почти две с половиной тысячи лет назад, в 399 году до н. э., Афины переживали далеко не лучший период своей истории. Совсем недавно закончилась изнурительная Пелопоннесская война, которую Афины и их союзники с треском проиграли объединению южногреческих полисов во главе со Спартой; прямым итогом поражения стало установление правления спартанских марионеток – Тридцати тиранов. Тираны после недолгого, но кровавого правления были свергнуты, но это не решило главных проблем – бедности и, как следствие, высокого уровня социальной напряженности. Вопрос «Кто виноват?» занимал умы афинян ничуть не меньше, чем «Что делать?»

Тридцать тиранов были правителями, поставленными в Афинах спартанским военачальником Лисандром. Они правили очень жестоко и в течение менее чем одного года казнили около полутора тысяч афинян. Однако вскоре их при поддержке союзных Фив сверг полководец Фрасибул. Большинство из тридцати были убиты в течение года после лишения власти.

Как показывает история человечества, в подобных случаях обычной реакцией общества становится поиск «пятой колонны», развращающей умы, в первую очередь – неокрепшие юношеские. Не стали исключением и Афины начала IV века до н. э.

«ПРЕДЛАГАЕТСЯ СМЕРТНАЯ КАЗНЬ»

Весной указанного года в присутствии свидетелей драматург по имени Мелет вручил архонту басилевсу, выборному должностному лицу, занимавшемуся вопросами культа, восковую дощечку, содержащую обвинения против философа Сократа. Основными были два: во-первых, Сократ обвинялся в неуважении к установленным богам и сотворении собственных, во-вторых – во внушении молодежи ложных истин и представлений. «Это обвинение составил и, подтвердив присягой, подал Мелет, сын Мелета из дема Питтос, против Сократа, сына Софрониска из дема Алопеки: Сократ повинен в отрицании богов, признанных городом, и во введении новых божественных существ; повинен он и в совращении молодежи. Предлагается смертная казнь».

Мотивы Мелета достаточно очевидны: в высшей степени амбициозный молодой сочинитель, чьи трагедии ни разу не были отмечены ни публикой, ни критикой, стремился к славе любой ценой. Вполне вероятно, что к Сократу он имел личную неприязнь: зная ехидный характер философа, нетрудно предположить, что Сократ комментировал «творческие удачи» Мелета совершенно определенным образом. По крайней мере, на суде обвиняемый главного обвинителя не особенно щадил: «По-моему, афиняне, он – большой наглец и озорник и подал на меня эту жалобу просто по наглости и невоздержанности, да еще по молодости лет». Аналогичный мотив двигал, скорее всего, и вторым обвинителем по имени Ликон – также честолюбивым графоманом, разве что уже не первой молодости и искавшим славы не на театральных подмостках, а в публичных выступлениях. Однако всем было очевидно, что Мелет и Ликон – лишь завеса, призванная прикрыть истинного инициатора и дирижера обвинения. Им был Анит, богатый торговец кожами, один из влиятельных афинских политиков. Незадолго до суда над Сократом он сыграл важную роль в свержении режима Тридцати тиранов. Кожевник и философ были хорошо знакомы, не раз публично спорили. Сегодня мы назвали бы Анита «государственником», горячим сторонником традиционных афинских ценностей, крайне настороженно относящимся к сократовской идее индивидуальной свободы. Афиняне шептались, что у Анита имелись также личные причины ненавидеть Сократа: якобы его собственный сын после знакомства с учением философа стал пренебрежительно относиться к отцу и его образу жизни и занятиям...

Процесс Сократа (современная литография)

Государственного обвинения в Афинах не существовало. Обвинение мог выдвинуть любой полноправный гражданин, который при этом давал клятву в том, что говорит правду. В задачу архонта басилевса входило установить, имеет ли обвинение под собой какие-либо основания, и передать дело на рассмотрение суда.

САМЫЙ ДЕМОКРАТИЧНЫЙ СУД В МИРЕ

Еще в VI веке до н. э. великий реформатор Солон ввел в государственное устройство афинского полиса широкое демократическое начало. Одним из наиболее ярких его проявлений стала гелиэя – суд, состоящий из шести тысяч выборных судей (пять тысяч были действующими, тысяча – запасными). Судьей мог быть любой свободный житель Афин старше тридцати лет. За свою деятельность судьи получали небольшую плату. Для рассмотрения конкретного дела собиралась многочисленная коллегия: так, незначительные гражданские иски рассматривались составами из двухсот одного судьи, для уголовных дел требовалось еще более представительное собрание. Решение принималось тайным голосованием. Во избежание подкупа состав судей определялся жребием непосредственно перед началом процесса. Время, отведенное на рассмотрение дела, строго фиксировалось при помощи специального водяного устройства; судебная сессия продолжалась в течение светового дня (Сократа судили зимой, и длительность процесса определили в девять с половиной часов).

Каждый человек, избранный членом суда – гелиастом, – приносил торжественную присягу: «Я буду подавать голос сообразно законам и постановлениям афинского народа и Совета пятисот. Когда закон будет безмолвствовать, я буду голосовать, следуя своей совести, без пристрастия и без ненависти. Я буду подавать голос только по тем пунктам, которые составят предмет преследования. Я буду слушать истца и ответчика с одинаковой благосклонностью. Я клянусь в этом Зевсом, Аполлоном и Деметрой. Если я сдержу мою клятву, пусть на мою долю выпадет много благ! Если я нарушу ее,

пусть я погибну со всем своим родом».

КОЩУННИК И РАСТЛИТЕЛЬ ЮНОШЕСТВА

Имели ли обвинения, выдвинутые против Сократа, под собой какие-либо основания? Несомненно. Взаимоотношения философа с традиционным пантеоном олимпийских богов были, мягко говоря, неоднозначными. Сегодня нам трудно обоснованно судить о воззрениях мудреца на религию (от Сократа не осталось ни одной собственноручно написанной строчки, о его учении мы знаем только по рассказам учеников – в первую очередь Платона и Ксенофонта – и отзывам недоброжелателей, например, великого драматурга Аристофана), но ясно одно: представления Сократа о божественном начале расходились с общепринятыми. По сути он, вполне возможно, и не покушался на религиозные устои (по крайней мере, в суде он будет отстаивать именно этот тезис). Однако малограмотным в большинстве своем гелиастам в ходе судебных прений стало очевидно, что у Сократа имеется собственный взгляд на некие общеизвестные понятия – а это, по их представлениям, было крайне предосудительно. Ведь всего за тридцать пять лет до процесса над Сократом за одно предположение, что солнце – не божество, а раскаленный камень, философа Анаксагора приговорили к смерти, и только заступничество всесильного на тот момент Перикла спасло ему жизнь.

Еще более серьезным представлялся афинянам пункт о развращении юных умов. Обвинители напомнили горожанам, что учениками Сократа в свое время были три ненавистных им человека: предатель Алкивиад, великий полководец, перешедший на службу к спартамцам, фактический лидер проспартанских Тридцати тиранов Критий и его помощник Харикл. Многие соглашались с мнением, что это неспроста и что учитель несет ответственность за последующее поведение своих учеников, даже если он и не склонял их к предательству интересов родного города напрямую. Кроме того, многих судей – людей зрелого возраста, – по-видимому, вообще раздражала популярность Сократа у молодежи: его явно считали ответственным за то, что двадцатилетние балбесы дерзят и не уважают старших.

Помимо двух основных обвинений досталось Сократу и за его далеко не восторженные отзывы о великих литераторах прошлого, Гомере и Гесиоде. В период шатаний и «брожения умов» многим жителям Афин их творчество представлялось необходимой «скрепой», а Сократ не раз отзывался о нем

скептически. Наконец, обвинители упомянули и отсутствие у Сократа общественной позиции, выразившееся в том, что он всегда избегал выборных должностей.

«Сократ нас не уважает, – как бы говорили обвинители, – ему не дорого то, что дорого нам, он ерничает и глумится над тем, что свято для каждого истинного афинянина! И это в то время, когда мы – в кольце врагов!»

СОЮЗНИК ОБВИНЕНИЯ

Нельзя не заметить, что сам Сократ приложил немалые усилия к тому, чтобы утвердить судей в этом мнении. Вопреки устойчивой традиции, он не привел в суд плачущих жену и детей, которые должны были разжалобить судей. Вместо того чтобы признавать себя виновным в отдельных грехах и каяться, он произнес сложную, полную философских рассуждений и довольно высокомерных поучений речь, что тоже не могло не раздражать крестьян и ремесленников на судейских скамьях: «Не шумите, мужи-афиняне, исполните мою просьбу – не шуметь по поводу того, что я говорю, а слушать; слушать вам будет полезно, как я думаю». Наконец, уже признанный виновным (суд голосовал дважды: первый раз по вердикту о виновности или невиновности, второй раз – по вопросу о конкретном приговоре), он попросил в качестве наказания бесплатный обед в Пританее, круглом здании на главной площади Афин, что считалось весьма почетным.

Трудно сказать, чего добивался таким образом семидесятилетний философ. Скорее всего, он не пожелал «прогнуться», – при том что суд первоначально не был настроен слишком уж кровожадно. Но уступать обстоятельствам – покаяться, «оказать людям уважение» и отделаться малой кровью, парой часов позора, – это было не для Сократа. Ведь он столько лет учил юношей внутренней свободе, чувству собственного достоинства, ироничному отношению к авторитетам и табу. «...Я могу вам сказать, афиняне: послушаетесь вы Анита или нет, отпустите меня или нет, – поступать иначе, чем я поступаю, я не буду, даже если бы мне предстояло умирать много раз».

Приговор гелиэи – смертная казнь – был вынесен подавляющим большинством голосов, триста шестьдесят против ста сорока одного. Интересно, что за него проголосовали около сотни судей, в первом туре высказавшихся за невиновность мудреца...

«ТИШЕ, СДЕРЖИТЕ СЕБЯ!..»

Сократу еще почти месяц пришлось дожидаться смерти: в Афинах смертные приговоры не приводились в исполнение в период, когда на остров Делос к храму Аполлона отправлялась праздничная делегация. За три дня до ее возвращения один из почитателей философа, Критон, предложил ему побег в плодородную Фессалию, где знаменитого афинянина готовы были принять и спрятать. Вполне вероятно, это устроило бы и большинство жителей Афин: многие из них уже пришли в себя и полагали, что суд погорячился.

Сократ категорически отказался. Он не считал вынесенный ему приговор справедливым, но полагал недостойным настоящего гражданина нарушать закон. Ведь он сам любил повторять: «Кто добродетелен, тот выше людского суда». Кроме того, истинный философ должен относиться к смерти спокойно, ведь она ему неведома, и значит, грех считать ее злом.

Раньше, вслед Платону, принято было считать, что Сократа отравили цикутой. Однако современные историки и врачи пришли к выводу, что, скорее всего, это был болиголов пятнистый (*Conium maculatum*), ядовитые свойства которого были хорошо известны грекам.

Он выпил приготовленную для него чашу с ядом и продолжил беседовать с друзьями и учениками. Некоторые из них плакали, и Сократ обратился к ним со словами: «Ну что вы, что вы, чудаки! Я для того главным образом и отослал отсюда женщин, чтобы они не устроили подобного бесчинства, – ведь меня учили, что умирать должно в благоговейном молчании. Тише, сдержите себя!» Последней фразой Сократа была просьба не забыть принести в дар богу врачевания Асклепию петуха – похоже, смерть он воспринял как исцеление...

2. История с бородой (Процесс маршала Жюль де Рэ, Франция, 1440 год)

«Всех тех, кто сии послания увидит, мы, Жан, с Божьего соизволения и по милости Святого Апостольского Престола епископ Нантский, благословляем

именем Господа нашего и просим доверять посланиям сим.

Настоящими посланиями да уведомим, что, посещая приход св. Марии в Нанте, где Жиль де Рэ нижеупомянутый часто бывает в доме, обыкновенно называемся Ла-Сюз, ибо он прихожанин помянутой церкви, и посещая иные приходские церкви, ниже указанные, столкнулись мы вначале со многими слухами, а вслед за тем с жалобами и заявлениями немалого числа людей добрых и благоразумных... показания коих подтверждены были... свидетелями... и иными осмотрительными, благоразумными людьми, не вызывающими подозрения.

Посещая по долгу нашему эти самые церкви (к приходам которых принадлежали свидетели. – А.К.), мы кропотливо их обследовали и из показаний, между прочим, с достоверностью убедились, что дворянин, мессир Жиль де Рэ, рыцарь, сеньор помянутой местности и барон, наш подданный и нам подсудный, вместе с некоторыми из своих сообщников зарезал, лишил жизни и истребил бесстыднейшим образом множество невинных отроков, что он предавался с этими детьми противоестественному сладострастию и греху содомскому, часто совершал ужасные заклинания демонов, приносил им жертвы, заключал с ними договоры и совершил иные тяжкие преступления, что нам подсудны; и мы узнали из расследования посланников наших и доверенных лиц, что помянутый Жиль содеял и совершил вышеуказанные преступления и иные учинил оргии как в нашей епархии, так и во многих иных областях, к ней относящихся.

По поводу каковых проступков помянутый Жиль де Рэ был обвинен и поныне обвиняется людьми серьезными и благонадежными. Дабы предотвратить всяческие сомнения по этому поводу, составили мы настоящие послания и скрепили их своею печатью.

Составлено в Нанте, 29 июля 1440 года».

БОГАЧ, КНИЖНИК, ВОИН

Так начиналась заключительная часть довольно короткой – 36 лет, – но весьма богатой событиями жизни Жилия де Монморанси-Лавалея, барона де Рэ, графа де Бриен, сеньора д'Ингран и де Шанту, потомка старинных и влиятельных родов, маршала Франции, одного из вернейших сподвижников Орлеанской девы Жанны д'Арк.

Вопрос о полководческих дарованиях самой Орлеанской девы остается дискуссионным, но большинство современных исследователей склоняются к тому, что в тех событиях она преимущественно играла роль символа борьбы за правое дело, а вот непосредственно военными аспектами занимались ее помощники, среди которых одним из самых ярких и был опальный впоследствии маршал.

Он был богат. Правда, злые языки утверждали, что значительная часть его огромного состояния за последние годы перекочевала в карманы тех, кто торгует свинцом, ртутью, бромом, акульими зубами и другими материалами, совершенно необходимыми для получения философского камня, а также к помощникам-алхимикам, которых у барона де Рэ за последние пять лет сменилось трое.

Он был образован. В эпоху, когда многие знатные люди не вполне твердо писали свое имя, он знал несколько языков, много читал, владел прекрасной библиотекой, на пополнение которой тратил большие средства.

Он был дерзок. Женился на двоюродной сестре, что не одобрялось церковью, тайно венчался, а затем выпросил у Папы прощение. Женитьба значительно увеличила его владения и упрочила знатность – благодаря браку он стал свойственником дофина, будущего короля Карла VII.

Он был смел и искусен в военном деле, что неудивительно – ведь он был внучатым племянником великого Бертрана Дюгеклена, «грозы англичан». Поверив, насколько мы можем судить, без особых колебаний в миссию Жанны д'Арк, он стал одним из самых эффективных командиров ее войска, сыграв значительную роль в снятии осады с Орлеана и в сокрушительном разгроме англичан при Пате. В Реймсе после коронации Карла VII двадцатипятилетний полководец стал маршалом Франции и получил право добавить в свой герб знаки, свидетельствовавшие об особой королевской милости: «...бесчисленные цветы лилий (*des fleurs de lys sans nombre*) на лазурном поле». После пленения Орлеанской девы именно Жиль де Рэ предпринимал наиболее последовательные попытки освободить ее, возглавив наступление на Руан, где шло судилище. Он опоздал – Жанну казнили...

Портрет Жилья де Рэ (Гуль де Наваль, 1835)

...Или не казнили. Существует несколько версий спасения Жанны. По крайней мере, одна из женщин, выдававших себя за спасшуюся Деву, Жанна дез Армуаз, была признана «настоящей» немалым количеством людей, знавших Жанну д'Арк лично. По слухам, с дез Армуаз встречался и Жиль де Рэ. Подтвердить или опровергнуть это невозможно.

ЗА СТРОКОЙ ОБВИНЕНИЯ...

Вероятно, это сочетание качеств и привело маршала на скамью подсудимых. Его богатство не могло не вызывать недобрых чувств у его сеньора, герцога Бретонского. Суд был еще в разгаре, а тот уже повелел поменять межевые знаки на границах владений барона с тем, чтобы земли «колдуна, убийцы и распутника» отошли сыну герцога. Его дерзость вызвала враждебное отношение многим ему обязанного короля: во-первых, Жиль де Рэ почтительно просил вернуть ему немалые средства, затраченные на то, чтобы привести дофина в Реймс, а во-вторых, он подозрительно радушно принимал в своем замке сына Карла, будущего Людовика XI, интриговавшего против отца (о чем пребывавший в добровольном затворничестве маршал, видимо, не знал). Его образованность и склонность к наукам не могли не создать ему репутацию чернокнижника. А тут еще дети в окрестностях замка пропадают...

Надо заметить, что во Франции в те времена ежегодно пропадали, по оценкам историков, примерно двадцать тысяч детей. Большинство из них убегали из дома в поисках лучшей жизни и приключений, многие становились жертвами семейного насилия или добычей грабителей, когда ходили собирать милостыню. Кого-то похищали с целью продажи в бордели – именно там за два с лишним века до описываемых событий оказалась немалая часть участников «крестового похода детей», добравшихся до Италии, но так и не дождавшихся, что море расступится перед ними. В момент, когда было выдвинуто первое обвинение против барона де Рэ, в распоряжении епископа Нантского имелось только одно

заявление от родителей пропавшего ребенка, которое косвенно указывало на баронский замок как место пропажи. Однако затем подобные жалобы посыпались пачками, что неудивительно – родители исчезнувших мальчиков и девочек, помимо прочих соображений, рассчитывали на компенсацию.

Впрочем, алхимией маршал, несомненно, занимался. Об этом свидетельствует хотя бы то, что в замке у него несколько лет жили и работали Жан де Силле и Франческо Прелати. Кроме того, в принадлежащих де Рэ помещениях было обнаружено алхимическое оборудование, да и сам обвиняемый в самом начале процесса, еще до пыток и отлучения, признался в чтении одного алхимического сочинения, разговорах на алхимические темы и постановке опытов. Само по себе это тянуло на церковное покаяние. Но обвиняли-то маршала в связях с дьяволом, убийстве детей и ужасающем разврате...

ТРИ ЖАНА ПРОТИВ ЖИЛЯ

Главные пункты обвинения были подсудны разным судам. Все, что касалось связи с дьяволом и прочего чернокнижничества, подлежало ведению инквизитора Бретани Жана Блуэна. Содомский грех и прочие извращения находились в юрисдикции епископального суда епископа Нантского Жана де Малеструа. Наконец, убийства подлежали сеньориальному светскому суду, находившемуся в ведении герцога Бретонского Жана V. Сочетание трех юрисдикций и трех процессуальных моделей было чрезвычайно удобным для достижения конечной цели: сеньориальный суд не мог применять пытку, а инквизитор – мог, церковный суд не мог казнить раскаявшегося грешника, а светский мог казнить убийцу независимо от раскаяния. Что и было исполнено.

Под содомским грехом в раннем Средневековье понимались любые формы сексуальности, не могущие привести к зачатию. Однако ко времени суда над маршалом (вероятно, под влиянием процесса тамплиеров) это понимание сузилось до мужеложества.

Обвинения были выдвинуты не только против маршала, но и против его подручных, якобы помогавших ему в занятиях колдовством и поставлявших ему детей. Они – кто под пыткой, кто без нее – дали необходимые показания. Помимо них были допрошены сотни свидетелей (особо интересующихся отсылаем к

второй части книги: Батай, Жорж. Процесс Жилья де Рэ. / Пер. И. Болдырева. Тверь, Kolonna Publications, 2008, – где приведены судебные протоколы, переведенные с латыни философом, писателем и переводчиком Пьером Клоссовски). Сам Жиль де Рэ поначалу категорически отрекся от связей с дьяволом, извращений и убийств, но, будучи подвергнут пытке, все признал и просил о прощении. Что, разумеется, не помешало праведным судьям приговорить его к смерти.

Жиль де Рэ был казнен 26 октября 1440 года в Нанте. «И после того... опустился он на колени, сложив на груди руки и прося прощения у Господа и умоляя не судить о нем по проступкам его, а явить милосердие, коему он себя вверяет, а народу говоря, что он брат их и христианин, и прося народ сей, а также и тех из них, чьих детей он загубил, молиться за него Господу нашему, исполнившись пылкой к Нему любви, и просил у всех простить его от чистого сердца и заступиться за него перед Богом, как если бы они за себя просили. И, вверяя судьбу свою в руки св. Иакова, к коему всегда имел особое расположение, а также св. Михаила, просил в сей час, когда великую надобность имеет, помочь ему облегчить душу свою и молить Бога за него, невзирая на то, что он не был им послушен, как подобало бы. Он просил также, чтобы в момент, когда душа его отлетит из тела, св. Михаил принял ее и представил пред Богом, коего молил он принять ее с милостью и не наказывать ее за провинности его».

ПЯТЬ С ПОЛОВИНОЙ СТОЛЕТИЙ СПУСТЯ...

В XV веке в ходе расследования прилагались значительные усилия к тому, чтобы найти останки жертв – ведь маршал под пыткой признался аж в восьмистах убийствах, хотя судьи милостиво «скостили» это число до ста пятидесяти. Усилия успехом не увенчались. Тогда слуги признались, что по приказу своего господина уничтожили все следы...

Современная криминалистика скептически относится к возможности быстро и бесследно избавиться от останков полутора сотен людей. Археологи перерыли все, что можно, в замке Тиффож (живописные развалины замка неплохо сохранились до наших дней), но нашли только скелеты двух взрослых людей, вряд ли имеющих отношение к тем событиям.

Полемика о виновности Жилья де Рэ обострилась в XX веке. В 1992 году по инициативе адвоката и масона Жан-Ива Го-Бриссоньера и писателя Жилбера

Прото состоялся общественный «пересмотр» процесса 1440 года. Жиль де Рэ был оправдан. Юридического значения это решение не имеет, однако аргументы защиты позволяют нам усомниться в выводах судей XV века. Что мы, пожалуй, и сделаем...

К ВОПРОСУ О ЦВЕТЕ БОРОДЫ

Широко известно, что история Жилия де Рэ легла в основу знаменитой сказки Шарля Перро «Синяя борода». Правда, Синяя борода убивал чрезмерно любопытных жен, а маршал, у которого была всего одна жена, – ни в чем не повинных детей, но народное сознание способно и не на такие перемены обстоятельств. Однако в хронологии формирования этой связи есть основания усомниться. Исследователи нашли бретонские варианты сказки (сюжет ее, кстати, был общеевропейским – известны германские и итальянские вариации), которые гораздо старше незадачливого алхимика-любителя и восходят, по-видимому, к легенде о Кономоре Проклятом, короле Думнонии, королевства бриттов на территории современных графств Корнуолл и Девон, – тот якобы убил четырех жен, причем четвертая незадолго до гибели обнаружила тела трех предыдущих.

По всей вероятности, страшная история о массовом детоубийстве в XV веке побудила народ «актуализировать» сказку, добавив в нее легенду о том, как дьявол сделал бороду Жилия де Рэ синей в знак того, что тот теперь в его власти. А вообще-то борода у барона была темно-русой...

3. Дело – табак (Судное дело о табаке, кореньях и травах, Русское царство, 1680 год)

Большинство судебных дел XVII века нам сегодня недоступны, так как не сохранились в архивах, да и далеко не во всех случаях велись подробные записи. Те же документы, что дожили до наших дней, предсказуемо не могут не поражать воображение архаичным языком и непривычными нам законами и обычаями. Но вот что удивительно: нередко они привлекают внимание схожестью происходившего с нынешними реалиями. Как будто не было трех с лишним столетий!

«...ПРИБРЕЛ Я, СИРОТА ТВОЙ, НА БЕЛООЗЕРО...»

«Царю государю и Великому князю Федору Алексеевичу, Всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцу, бьет челом сирота твой Белозерского уезда Заозерского стану волости Липина Борку Иванов крестьянина Елизарьева сына Коротнева, деревни Дорины Якушко Феоктистов. В нынешнем, Государь, в 188-го году марта в 18 день (7188 год от Сотворения Мира по старому летоисчислению, или 1680-й по петровскому. – А.К.) прибрел я, сирота твой, на Белоозеро с Новозерской ярманки, и, будучи на Белоозере, пил на кружечном дворе, и, напився пьян, лежал пьян на кружечном дворе беспамятно, и в то число положил мне в зеп табаку нетертого неведомо кто; и того же числа, Государь, против словесного извету иноземца новокрещеного Зинки Лаврентьева тот подкинутый табак у меня, сироты твоего, у пьяного вынул, и приведен я, сирота твой, с тем табаком пьяный в приказную избу и расспрашиван, и посажен в приказную избу за решетку, и сидя за решеткой, помираю голодной смертью. Милосердый Государь Царь и Великий князь Федор Алексеевич, Всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец! Пожалуй меня, сироту своего, вели, Государь, по тому делу свой Великого Государя милостивый указ учинить и меня, сироту своего, из-за решетки свободить, чтобы сидя мне, сироте твоему, за решеткою, голодной смертью не умереть. Царь Государь, смилуйся, пожалуй».

Зепь (ниж. перм.) – карман, мошна; сумка, котомка; карман-лакомка, привесный; калита; пазуха (В. И. Даль).

Эта челобитная, или, как тогда говорили, «слезница», была записана грамотным посадским человеком со слов содержащегося под стражей в Белозерском уезде Великого княжества Московского крепостного Якова Феоктистова, принадлежащего служилому человеку Ивану Елизарьевичу Коротневу. Всего по указанному делу проходили пять человек: сам Яков, или Якушка, обвиненный в хранении табака; пытавшиеся в пьяном виде отбить его при аресте земляки Иудка Григорьев и Фочка Федотов с сыном Федькой; а также прихваченный за компанию крепостной того же Коротнева Игнашка Васильев, у которого были обнаружены в нательном мешочке подозрительные «корешишко и травишки». Обвинителем честно?й компании выступил некий Зинка (Зиновий) Лаврентьев, которого различные документы дела именуют когда иноземцем, а когда – приставом, то есть, выражаясь современным языком, полицейским чиновником. Судя по упоминанию обвиняемым Якушкой «новокрещенности» Зинки, тот

прибыл из католической или протестантской страны (неправославных христиан, желающих принять русское подданство, тогда «перекрещивали»), а фамилия-отчество Лаврентьев, т. е. «сын Лавра», и отсутствие каких-либо упоминаний о языковом барьере наводит на мысль о его этническом русском происхождении – скорее всего, Зинка переселился из Великого княжества Литовского, входившего в состав Речи Посполитой. Помимо него в деле упоминаются также его «товарищи» Афонька Пинаев и Ивашка Спирин, то есть «операцию» проводила целая полицейская группа.

«В приказной избе» (С.Иванов, 1907)

СУД ДА ДЕЛО

Разбор дела, как и положено, осуществлял в приказной избе (местной администрации) назначенный царем и Боярской Думой воевода. В описываемое время эту должность в Белозерском уезде отправлял Илья Дмитриевич Загряжский, принадлежавший к хорошо известной фамилии, представители которой уже несколько поколений верно служили московским царям (так, например, его отец Дмитрий Иванович был в свое время можайским воеводой).

Приказные избы в России XVII – начала XVIII веков – органы местной государственной власти при городских воеводах. Находились в центрах уездов. Руководствовались законодательными актами и царскими указами. Исполняли поручения воевод, вели делопроизводство; фиксировали сбор налогов, хранили именные списки служилых людей, материалы воеводского судопроизводства, описи казенного городского имущества и пр.; надзирали за деятельностью выборных должностных лиц (таможенного, кабацкого голов и др.) и органов местного самоуправления.

В случае с «корешешком и травишками» следствие разобралось быстро: для освидетельствования подозрительных объектов был вызван сведущий человек из местных, который дал заключение, что «корешешко де именуется девятины,

от сердечных скорби держат, а травишко де держат от гнетишных скорби (по-видимому, тоски. – А.К

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kuznecov_aleksey/sud-idet-o-sudebnyh-processah-proshlogo-ot-antichnosti-do-noveyshey-istorii

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)